

Белоусов Ю.Б.

Геометрия пустоты

2026

Юрий Белоусов

Геометрия пустоты

«Автор»

2026

Белоусов Ю. Б.

Геометрия пустоты / Ю. Б. Белоусов — «Автор», 2026

Сырая мартовская Москва. Несколько человек, привыкшие полностью контролировать свою жизнь, внезапно обнаруживают, что границы их личного пространства, памяти и разума начинают необратимо ломаться. Что общего между панической атакой водителя бизнес-такси, скрытой пустотой в стене старого особняка на Покровке, странным дежавю патологоанатома и ночным кошмаром успешного врача? Случайный запуск заброшенной подземной коммуникации заставляет прошлое просочиться сквозь настоящее. Невидимый Чертежник уже стягивает их маршруты к одной точке. Им предстоит распутать узел старых документов и чужих воспоминаний, чтобы ответить на один-единственный вопрос: где заканчиваюсь я и где начинаются другие? «Геометрия пустоты» — это глубокий философский роман о нелинейном времени, наложении человеческих судеб и о том, что границы нашей личности — всего лишь иллюзия, продиктованная страхом одиночества.

© Белоусов Ю. Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Иллюзия контроля.	6
Глава 2. Субботний натюрморт.	8
Глава 3. Авторский надзор.	10
Глава 4. Чужие берега.	12
Глава 5. Терапия здравого смысла.	14
Глава 6. Синдром парных случаев.	16
Глава 7. Чертёж по живому.	18
Глава 8. Режим вибрации.	19
Глава 9. Точка усадки.	20
Глава 10. Бумажная пыль.	22
Глава 11. Нечего расслаиваться.	23
Глава 12. Встречное движение.	25
Глава 13. Бессонница.	27
Глава 14. Синдром дефицита контроля.	29
Глава 15. Естественные причины.	31
Глава 16. Зона ответственности.	33
Глава 17. Скрытые слои.	35
Глава 18. Маршрут выходного дня.	36
Глава 19. Линия отрыва.	38
Глава 20. Удельный вес текста.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Белоусов

Геометрия пустоты

От автора

Дорогой читатель!

Книга, которую вы держите в руках — это не развлекательный триллер и не детективное расследование, хотя в ней есть и тайны, и загадки прошлого. Это приглашение к разговору о том, как устроен наш внутренний мир и почему мы так отчаянно пытаемся отгородиться друг от друга.

В суе мегалополиса мы привыкли к автономии. Мы строим жёсткие рамки, прячемся в автомобилях, квартирах и профессиональных масках, искренне считая, что наши мысли, страхи и воспоминания принадлежат только нам. Нам кажется, что мы — одинокие острова.

В «Геометрии пустоты» мне хотелось проверить эту обособленность на прочность. Мне любопытно исследовать те невидимые связи, которые проступают через привычную городскую рутину, пока мы сдаём отчёты, стоим в пробках или пьём чай в полумраке старой книжной лавки.

В этой истории мартовская Москва, сырые подвалы, заброшенные коллекторы и пожелтевшие архивные папки — лишь прозрачные кальки, наложенные друг на друга. Если посмотреть сквозь них на просвет, границы между абсолютно чужими человеческими судьбами начинают размываться, складываясь в один замкнутый периметр.

Я не хочу давать вам готовых ответов и раскрывать законы этого мира раньше времени. Пусть этот путь станет вашим личным исследованием. Я лишь надеюсь, что, дочитав до последней страницы, вы выключите свой внутренний таксометр, оглянетесь вокруг и посмотрите на прохожих за окном совсем другим взглядом.

Добро пожаловать в пространство, где нет ничего лишнего.

Глава 1. Иллюзия контроля.

Олег привык доверять только физиологии. Профессиональный бокс в юности и ещё десять лет в тяжёлом весе вколотили в него простую истину: тело никогда не врёт. Мышцу тянет — значит, надорвал волокна. Поплыло перед глазами — поймал удар. Накатил страх — это всего лишь порция адреналина из надпочечников, которую надо выжечь движением. Чистая биохимия.

Но был один пункт, никак не укладывающийся в эту схему. Он до боли, до паники боялся ломаных линий.

На кожаном подлокотнике корейского седана всегда лежал узкий блокнот. Олег чертил на полях. Стоило ночной Москве за стеклом смазаться в нечёткие пятна, он хватался за ручку, будто пытаясь вогнать расплывающуюся реальность в жёсткие рамки. Выводил бездушные, замкнутые контуры: ровные квадраты ринга, коробки остановок, параллельные полосы разметки. Салон машины оставался его личным убежищем. Тут все углы были просчитаны, а траектория разворота зависела исключительно от законов механики. Пока вокруг сохранялась хоть какая-то симметрия, Олегу казалось, что он рулит собственной жизнью.

Когда из-за раздробленного правого колена с карьерой пришлось завязать, ночные заказы по тарифу «бизнес» стали для него заменой ринга. Только тихой. Жёлтый свет фонарей, синяя нитка маршрута в навигаторе, монотонный гул шин. Никаких неожиданностей. Он возил молчаливых чиновников, засыпающих коммерсантов, зарёванных женщин и никогда не лез с разговорами. Работа помогала заглушить тупую тоску по спорту, но важнее было другое — здесь он оставался невидимкой. Светка дома из-за этого регулярно срывалась на крик. Ругалась, что он с ней не разговаривает, а стойко «терпит», как в спарринге, — выставив перед собой глухую, непробиваемую защиту.

Она была права. Олег разучился чувствовать людей. Он умел их только сканировать.

Шёл третий час ночи. Смена подходила к концу. Навигатор пискнул, отправляя его на Остоженку — забрать клиентку до Большой Никитской.

В машину села молодая женщина. Из-под глубокого капюшона Олег разглядел лишь бледный профиль и тонкие пальцы, сжимавшие кожаную сумку. От неё пахло чем-то сложным — дорогим парфюмом с нотами сухого дерева и сандала.

— Доброй ночи. Едем спокойно? — негромко спросил водитель, плавно трогаясь с места.

— Да, если можно, — ответила она усталым, тихим голосом.

Олег перестроился в средний ряд полупустого Садового кольца. Он вёл машину идеально, едва заметно покачиваясь в такт движению. Мир за стеклом был понятным и предсказуемым. По привычке контролируя салон, водитель бросил дежурный взгляд в зеркало заднего вида.

В этот момент пассажирка откинула капюшон, поправляя длинные великолепные волосы, и случайно посмотрела в отражение. Глаза в глаза.

Звук города выключили мгновенно, словно кто-то перерезал провод в динамиках.

Лобовое стекло автомобиля не разбилось, но сквозь него Олега внезапно ослепило яростное, неестественное солнце, быющее над бесконечным ковром из белых облаков. Пропал аромат кожаного салона. В нос ударил едкий, до тошноты одуряющий запах горящего пластика и авиационного керосина.

Олег всё ещё сидел в кресле, но педали под ногами вдруг пропали. Пол резко, с хрустом завалился вправо и ухнул куда-то вниз, оставив в животе тупую, невесомую пустоту падения. Опора исчезла.

«Тяни левый, тяни, у нас отказ второго!» — чужой хриплый ор ударил изнутри черепа, едва не лопаая барабанные перепонки.

Это не было кадром из кино. Накатило осязаемо, до тошноты реально: ладони Олега, секунду назад сжимавшие руль, теперь намертво, до белых костяшек, вросли в бьющийся крупной дрожью штурвал. А прямо поверх кожаной торпеды мерцающим, призрачным слоем проступила приборная панель — десятки вспыхнувших багровых лампочек.

Сердце споткнулось, выдало дикий аритмичный толчок и застряло где-то в гортани, захлёбываясь собственным стуком. Воздух в лёгких кончился. Чистый, липкий страх сковал мышцы — так боится животное, запертое в падающей с высоты железной клетке.

— Мужчина? С вами всё в порядке? Вы пропустили поворот... — голос пассажирки пробили сквозь этот кошмар, как сквозь толщу воды.

Олег судорожно, с хрипом глотнул воздух, словно только что вынырнул из глубины. Нога сама рванула педаль тормоза в пол. Машина резко клюнула носом, заставив сработать ремни безопасности, и замерла у обочины под мигание аварийки.

Вспышка отпустила так же мгновенно, как и началась. Запах гари исчез. Руки на руле были чистыми, но они дрожали так крупно, что Олег не мог сжать пальцы. Лоб моментально стал мокрым от холодного пота.

Он медленно повернул голову назад. Пассажирка — обычная испуганная девушка — прижимала к груди сумочку, с тревогой и недоумением глядя на водителя. Она явно ничего не почувствовала. Для неё это была странная, опасная выходка таксиста.

— Извините... — сиплым, не своим голосом выдавил Олег, пытаясь унять дрожь в руках. — Сердце. Резко закололо в груди, потемнело в глазах. Я... я не могу ехать дальше. Давайте я отменю заказ и вызову вам другую машину?

— Да, конечно, — девушка испуганно кивнула, но вместо того чтобы сразу выйти, нерешительно застыла, вглядываясь в его помертвевший взгляд. — Господи, да на вас лица нет. Вы белый как мел. Давайте я вам скорую вызову? Наберите им или я сама со своего телефона наберу. Вдруг это инфаркт?

— Нет-нет, не надо скорую, — Олег судорожно мотнул головой, отчего в висках отозвалось тупой болью. Он попытался выдавить подобие успокаивающей улыбки, но вышла лишь жутковатая гримаса. — Это... это лёгкое переутомление. Смена тяжёлая, третью ночь на колёсах. Сейчас кофейку попою, подышу и до дома доеду. Не нужно врачей, правда.

Девушка ещё секунду колебалась, собираясь с мыслями.

— Ну... как знаете. Смотрите сами. Если что, звоните в экстренную.

Она быстро вышла из машины и скрылась в ночном переулке. Олег остался один. Откинулся на подголовник, уставившись в потолок салона. Дыхание со свистом вырывалось из груди. В голове набатом стучала одна мысль: «Я схожу с ума. Это микроинсульт или галлюцинация от переутомления». Но подсознание, минуя логику, твердило другое: там, в падающей кабине, эта незнакомая девушка сидела в пассажирском кресле за его спиной.

Глава 2. Субботний натюрморт.

Игорь любил свою работу за то, что мёртвые не симулировали эмоции. В морге при судебно-медицинской экспертизе люди наконец-то избавлялись от необходимости лгать, подстраиваться и изображать то, чего нет. Они становились чистыми фактами, записанными на языке анатомии. Жизнь для него была сложной, но вполне предсказуемой химической реакцией. Когда она прекращалась, оставался лишь натюрморт из тканей и причинно-следственных связей.

Игорь не слушал радио с его суетливыми новостями и фальшивыми голосами диджеев. Он коллекционировал бобины и кассеты со старыми радиоспектаклями 50-х годов. В углу его ординаторской на дремучей тумбочке стоял кассетный магнитофон «Маяк». По вечерам, когда подвальный этаж морга затихал, он включал записи МХАТа или Малого театра. В этих хриплых, покрытых архивным шумом голосах актёров классической школы была осязаемая, концентрированная жизнь.

Парадокс заключался в том, что тридцатипятилетний патологоанатом искал истинные человеческие чувства там, где их давно не было — среди звуковых призраков прошлого и безмолвных покойников настоящего.

Субботнее утро началось для Игоря с чашки отвратительного растворимого кофе и трёх незамысловатых «объектов». Первые два были классикой выходного дня: жертва гаражного ремонта, отравившаяся угарным газом, и престарелый любитель зимней рыбалки, недооценивший весенний лёд. С ними всё было ясно. А вот с третьим пришлось повозиться.

— Ну что, гражданин неопознанный, давай знакомиться, — пробормотал Игорь, поправляя синий фартук и включая диктофон на стойке секционного стола.

Объект был крепким мужчиной лет тридцати пяти, без документов, обнаруженным дворником в кустах за пивным баром. На лице застыло выражение глубокого, почти философского удивления.

В секционный зал, шаркая резиновыми шлёпанцами, заглянул Саныч — старый санитар, проработавший в морге столько, что, казалось, лично знал ещё Пирогова. Саныч нёс пластиковый контейнер с бутербродами.

— Игорек, ты колбасу докторскую любишь? — спросил Саныч, аппетитно жуя. — Жена взяла по акции, говорит, настоящая, без сои. А я вот сомневаюсь. Посмотри текстуру.

Игорь, не отрываясь от работы, бросил взгляд на бутерброд Саныча, затем на срез тканей на своём столе.

— Текстура у твоей колбасы, Саныч, подозрительно напоминает печень запущенного алкоголика. Мягковата. Я бы не рисковал, — флегматично отозвался коллега и вернулся к диктофону. — Наружные повреждения: ссадина в области левого надбровья размером два на полтора сантиметра, края неровные...

— Тьфу на тебя, весь аппетит испортил, — без обиды проворчал санитар, но бутерброд отложил. — Слышь, Игорек, а этот чего? Опять криминал?

— Если бы, — Игорь аккуратно манипулировал инструментами. — Чистая бытовуха и пренебрежение законами физики. Гражданин, судя по всему, решил продемонстрировать друзьям трюк «сальто назад с забора». Но сила притяжения оказалась сильнее алкогольного задора. Приземление на теменную область. Черепно-мозговая.

Он действовал без суеты — размеренно, хладнокровно, как отлаженный поршень. Никаких лишних движений. В его личной вселенной всё было предельно ясно и чётко: все причины, следствия и неизбежные финалы давно зафиксировали в атласах по анатомии, отпечатали на плотной бумаге и сшили в жёсткий переплёт. Человеческая жизнь для него не являлась тайной — обычная, путаная, слишком переоценённая химическая реакция. Формула, рано или поздно

выпадающая в осадок. А когда этот бурлящий состав внутри затихает, на кушетке остаются голые, сухие, упрямые факты. Никакой мистики и фантастики.

За пределами морга факты продолжались в его бетонной однушке, где на подоконнике молча теснились кактусы. Игорь ценил их за колючее, надменное упрямство — эти твари хотя бы не требовали от него слов, участия или душевного тепла. Среди этого взвинченного, сошедшего с ума мегаполиса он искренне считал себя единственным, у кого в голове сохранялся идеальный, ледяной штиль.

Точка в протоколе встала на своё место. Игорь с неприятным скрежетом стянул с пальцев влажный латекс перчаток, бросил их в бак и потянулся всем телом. В тишине секционной отчётливо, как сухая ветка, хрустнул позвоночник.

— Ладно, Саныч. Пиши: закрытая черепно-мозговая, отёк мозга. Родственники найдутся — отдавай. А я пойду, пожалуй, пройдусь. Погода хорошая.

Выйдя на крыльцо морга, Игорь зажмурился от яркого мартовского солнца. По двору весело бегали воробьи, весна отвоёвывала у зимы последние грязные сугробы. Медик вздохнул полной грудью, радуясь, что его смена окончена и впереди целый выходной, в котором не будет ни трупов, ни чужих драм. Он зашагал к метро, даже не подозревая, что через пару дней одна случайная деталь разрушит весь его уютный материальный мир.

Глава 3. Авторский надзор.

Алина ненавидела авторский надзор по субботам. Строители в выходные работали неохотно, прорабы вечно пахли перегаром, а заказчики, освободившись от своих основных забот, обретали фонтан неуёмной дизайнерской фантазии.

— Алина, душечка, ну посмотрите на этот плинтус, — Лилия Петровна, супруга крупного ресторатора, капризно надула губы, обведённые по контуру слишком тёмным карандашом. — Он же совершенно не мэтчится с цветом стен. Я просила «пыльную розу», а это... это какой-то цвет увядшей надежды.

Алина глубоко вдохнула сквозь нос, досчитала до трёх и натянула на лицо профессиональную маску абсолютного спокойствия. Ей было двадцать восемь, и за пять лет практики в столичном архбюро она научилась ладить даже с самыми деспотичными клиентами.

— Лилия Петровна, при этом освещении краска ещё не просохла, — мягко, но уверенно ответила девушка, сверяясь со своим планшетом. — Плинтус из массива дуба, мы колеровали его строго по выкрасу номер четыре, который вы лично утвердили в прошлый вторник. Когда отделочники снимут защитную плёнку с паркета, баланс белого выровняется.

— Ну не знаю, не знаю... — протянула дама, отвлекаясь на звонок дорогого телефона. — Да, котик, я на объекте. Да, эта девочка-дизайнер опять меня лечит...

Алина тихо отошла в сторону, к панорамному окну пентхауса на Новом Арбате. Город внизу казался огромным муравейником. Голова после тяжёлой недели гудела. Ей безумно хотелось завернуться в плед, выпить чаю и не слушать ни слова про выкрасы, штукатурку и капризы богатых людей.

Освободившись от Лилии Петровны только к четырём часам дня, Алина зашла в небольшую кофейню в переулке, чтобы спокойно посидеть в тишине. Она заказала большой капучино и села у окна. За соседним столиком, развалившись на уютном диване, сидела девчонка лет пятнадцати в безразмерном чёрном худи с порванными рукавами. Рядом с ней стоял нетронутый стакан с колой. Девочка яростно листала ленту в телефоне, шумно вздыхая и буквально источая вокруг себя волны едва сдерживаемого подросткового раздражения.

В какой-то момент у неё зазвонил телефон. Она сбросила вызов. Он зазвонил снова.

— Да отвали ты от меня! — внезапно на всю кофейню крикнула она в трубку. Несколько посетителей обернулись. — Я сказала, не приду! Мне плевать на твои дежурства! Задолбала! Задолбали все!

Малолетка с грохотом швырнула телефон на стол. Тот отскочил и задел стакан с колой. Пенящаяся липкая жидкость мгновенно хлынула по полированному дереву прямо на бежевое замшевое пальто Алины, висевшее на спинке соседнего стула.

— Ой, чёрт... — Алина вскочила, пытаясь спасти одежду. — Девушка, ну поосторожнее можно? Вы же испортили вещь!

Обидчица даже не подумала извиниться. Она подняла на Алину злые, покрасневшие от скрытых слёз глаза. Её юное лицо исказила гримаса чистой, необоснованной агрессии.

— Ну и чё? — вызывающе процедила она, даже не шелохнувшись, чтобы помочь. — Подумаешь, пальто. Новое купишь, овца. У тебя вон рожа какая сытая. А у людей, может, жизнь рушится! Корова дойная...

Официант бежал к столику с салфетками, но девочка резко сгребла свой телефон, с силой пихнула Алину плечом, пробиваясь к выходу, и выскочила на улицу, с грохотом захлопнув стеклянную дверь.

Алина так и осталась стоять посреди зала, глупо зажав в кулаке липкую, размокшую салфетку. Пальцы машинально сминали бумагу, превращая её в серый комок, но мыслями она была не здесь. Её мелко, противно трясло — той самой внутренней дрожью, накатывающей

не от холода, а от запредельной абсурдности происходящего. Это была чистая, незамутнённая наглость, обрушившаяся на неё посреди мирного кофейного запаха и звона ложечек.

Чужой, абсолютно незнакомый человек мимоходом вылил на неё ушат своего яда. Этот бытовой негатив не имел к Алине никакого отношения, но внутри всё равно осел плотный, горький осадок, похожий на пережжённую кофейную гущу. Горло сдавило. На секунду показалось, эта злая, взвинченная девчонка искала, обо что бы удариться. Она укусила Алину вслепую, наугад, без повода — ведомая одним лишь отчаянным и глухим воем от собственного бессилия перед огромным, равнодушным миром. Ей нужно было сделать больно хоть кому-то, чтобы самой перестать казаться себе невидимкой.

— Простите, пожалуйста, — лепетал юный официант, вытирая стол. — Она у нас часто сидит. Нервная какая-то, вечно со всеми ругается. Хотите, мы вам кофе за счёт заведения обновим?

— Нет, спасибо, — тихо сказала Алина, разглядывая бурое пятно на дорогой замше. — Я, пожалуй, пойду.

Она вышла на улицу. Весенний воздух уже не казался таким тёплым. Настроение было окончательно испорчено этой мимолётной, глупой подростковой истерикой. Алина предполагала, что у этой колючей юной особы есть очень веская причина ненавидеть весь мир, и она напрямую никак не связана с ней самой.

Глава 4. Чужие берега.

Олег сидел на кухне у старшего брата Пашки и невидящим взором смотрел, как в гра-нёном стакане тонет и распускается янтарный диск лимона. После той сумасшедшей ночной смены прошло два дня, но внутри него словно натянули струну. Аппетит пропал, а привычный мир вокруг казался слегка ненастоящим, будто нарисованным на дешёвом холсте.

— Ты не крути головой, Лёлик, ты ешь, — Пашка, крупный, основательный мужчина в растянутой домашней футболке, с грохотом поставил на стол сковороду с жареной картошкой. — Сало домашнее, мужики из Воронежа привезли. А ты бледный совсем. На тебе лица нет, честное слово. Опять свои ночные километры наматывал?

— Да не в километрах дело, Паш, — Олег вздохнул, потирая ноющее колено. — Сбой странный в организме произошёл. Пару суток назад за рулём... как отрезало всё. Потемнело в глазах. Воздуха не хватило. Запах какой-то дурацкий почудился — палёной пластмассы, керосина. И страх. Такой, знаешь, дурной страх, будто с моста лечу, а затормозить не могу. Всю жизнь на ринге удары держал, а тут от собственной тени едва не вывернуло.

Павел нахмурился, садясь напротив и отодвигая тарелку.

— Давление?

— Да чёрт его знает. Никогда не жаловался. Думал, отлежался дома, пива выпил — прой-дёт. А внутри всё равно как будто чужой угол торчит. Не в своей тарелке я, Паш.

Входная дверь в коридоре с грохотом хлопнула, да так, что звякнули чашки в серванте. Из прихожей донеслось яростное шуршание куртки и тяжёлый, нервный топот. Через секунду на пороге кухни выросла Жанна. Пятнадцатилетняя племянница Олега выглядела как ходячий протест: безразмерное чёрное худы с какими-то рваными надписями, злые глаза, из-под капю-шона торчат растрёпанные пряди, в руках телефон, обклеенный разноцветными стикерами. На ходу она с силой пинала носком кроссовка несчастный пуфик в коридоре.

— Жанка, ты нормально дверь закрыть можешь? — крикнул Паша, оборачиваясь. — Чего ты опять как ураган? Что за вид?

— Отвалите все, а! — Жанна швырнула школьный рюкзак прямо на пол у кухонного стола. Тот глухо брякнул замками. — Задолбали! В этой школе одни дегенераты. Училка по химии — конченная тварь. «Жанна, сними капюшон, Жанна, где твоя тетрадь...» Да пошла она! Сама пусть в своих пробирках топится!

— Ты как с отцом разговариваешь, чучело? — Паша привстал, его лицо побагровело. — Мать на дежурстве, я с ног валюсь, а ты тут концерты устраиваешь? Иди в свою комнату и чтобы я тебя не слышал!

— И пойду! Рада бы вообще отсюда уйти, чтобы ваши рожи сытые не видеть! — Жанна зло зыркнула на Олега, пнула рюкзак дальше в угол и, громко топая, умчалась к себе в комнату. Через секунду оттуда донёсся глухой удар очередной двери и басы молодёжной музыки, от которой задрожали стены.

Паша тяжело опустился обратно на стул, потирая ладонями лицо.

— Вот тебе и выросла девка. Нервная, дикая, слова не скажи. Вся психика набекрень на пустом месте. То плачет в подушку часами, то кидается на всех, как собака цепная. Что им не хватает? Всё же есть — шмотки какие хочет, телефон этот дурацкий за сто тысяч на день рождения выпросила, в прошлое воскресенье подарили. Эх... Мы в её годы...

Олег невольно улыбнулся, и это была первая тёплая эмоция за последние дни.

— Да уж, Паш. Помнишь, как нас отец на всё лето в деревню под Одессу отправлял? К дяде Лёве?

— Ещё бы не помнить, — Пашка хмыкнул, и его суровое лицо разгладилось. — Велосипед «Орлёнок» один на двоих, на котором цепь каждые три километра слетала. Из удобств

— речка в конце огорода и яблоки соседские через забор. Поймают — крапивой по заднице нахлобучат, и весь твой стресс как рукой сняло. Зато счастливые были. Весь день на солнце, пыль на зубах скрипит, а ты домой летишь, потому что тётка Рая пирог с вишней испекла.

— И никакого интернета, — тихо добавил Олег, уставившись в окно, где на голых ветках деревьев качались мартовские воробьи. — Телефон один на всю улицу, автомат за две копейки. И страхов никаких не было. Мир казался огромным, чистым, и мы в нём были как дома. А сейчас смотришь на них — они как в клетке заперты. Сами себя жрут.

Из комнаты Жанны снова донёсся какой-то грохот — похоже, она смахнула со стола книги, выражая протест против всего мироздания. Пашка лишь махнул рукой, теряя запал для ссоры, и повернулся к брату. Его взгляд стал сосредоточенным.

— Ладно, бог с ней, перебесится. А вот ты мне, Лёлик, серьёзно не нравишься. Хватит дурака валять и пивом лечиться. То, что ты описываешь — это не обыкновенная усталость. Спазм, нехватка воздуха, запахи какие-то... С головой шутки плохи. Может, сосуд какой зажал, или микроинсульт на ногах перенёс. Ты давай-ка завязывай со своей ночной романтикой за рулём. Завтра же иди в клинику.

Брат придвинул к себе блокнот и быстро записал на листке адрес.

— Моя ж Люська как раз в тринадцатой городской работает, у них там неврология сильнейшая в городе. Творит чудеса. Она там, считай, на хорошем счёту, всех светил местной медицины за грудки держала, когда у них завхоз полгода материалы зажимал. Ну ты ж в курсе! Характер у неё, сам знаешь, танк прошибёт, зато врачи её уважают. Я ей сейчас звякну, она тебя завтра же утром запишет к лучшему спецу, обследуют тебя по полной программе. Она поднимет свои связи, из-под земли талон на МРТ достанет, даже если там очередь на три месяца вперёд. Пусть тебе мозги просветят. Понял меня? Направление она сделает, тебе только доехать. Люська лично проконтролирует, чтобы тебя не футболили из кабинета в кабинет, а сразу к заведующему отправили.

Олег молча взял листок с адресом больницы. Спорить с основательным старшим братом было бесполезно, да и самому этот странный, пугающий непорядок внутри начал надоедать.

— Ладно, Паш. Ты прав. Завтра утром съезжу, пусть посмотрят, что там заклинило. Передай Люське спасибо, пусть договорится.

Пашка хмыкнул, доставая телефон, но звонить сразу не стал, а с прищуром посмотрел на Олега.

— Передам. Только ты учти: если ты сольёшься и завтра не приедешь, она меня живём съест. Скажет, что я её перед профессурой опозорил. Ты же знаешь, у неё разговор короткий.

— Да приеду я, приеду, — поморщился Олег. — Разве от неё сбежишь? Она меня и на краю света достанет, если доктор приедет, а пациента нет.

— Во-во, — Пашка наконец улыбнулся, атмосфера за столом заметно разрядилась. — Она мне тут на днях заявила, что если я флюорографию до конца месяца не пройду, она меня на цепь у поликлиники посадит. И я ей верю.

Глава 5. Терапия здравого смысла.

Тринадцатая городская больница напоминала огромный, хорошо отлаженный конвейер. Пахло здесь кофе из автоматов, мокрыми зонтами и дорогими антисептиками. Благодаря Люсе, Олега провели мимо общей очереди в регистратуру под бурные возмущения бабушек, занявших места с самого утра в несколько кабинетов, и сразу направили на четвёртый этаж, в отделение плановой неврологии.

За столом просторного светлого кабинета сидел доктор Шестаков. На вид ему было около сорока. Сухой, подтянутый, в идеально отглаженном халате и тонких очках в титановой оправе. Он изучал распечатанные результаты экспресс-анализов и свежие снимки МРТ Олега, сделанные часом ранее по благу.

— Ну что я могу вам сказать, Олег Владимирович, — Шестаков снял очки и аккуратно положил на стопку бумаг. — Органических поражений мозга нет. Сосуды чистые, как у космонавта. Опухолей, гематом, следов микроинсульта — ничего. С точки зрения анатомии вы абсолютно здоровы. Хоть завтра снова на ринг.

Олег, едва помещавшийся на узком офисном стуле, нахмурился.

— Доктор, но меня же накрыло. По-настоящему. Двое суток назад я за рулём дышать не мог, страх дикий, гарью пахло. Вчера у брата сидел — опять как будто не в своей тарелке. На ровном месте. Если с сосудами всё нормально, то откуда это? Выпишите мне таблетки какие-нибудь. Сильные. Чтобы эту дрянь из головы убрать.

Шестаков снисходительно улыбнулся, сплетя пальцы в замок.

— Олег Владимирович, вы профессиональный спортсмен в прошлом. Вы привыкли, что любую проблему можно решить прямым физическим воздействием или химией. Но нервная система устроена тоньше. То, что вы описываете — классическая паническая атака. Проще говоря, ваш мозг банально перегорел от хронической усталости. Ночные смены в такси, постоянное напряжение, ответственность за пассажиров, рванный режим сна. Скопилось годами, а выстрелило сейчас.

Врач придвинул чистый бланк и размашисто написал на нём несколько слов.

— Мой вам рецепт: никакого руля в ближайшие десять дней. Берёте отпуск. Отключаете рабочий телефон. Уезжаете за город или сладко спите до обеда, гуляете в парке, кормите уток. Из медикаментов — лёгкий травяной сбор на ночь и магний. Всё.

Олег ошарашенно уставился на листок, затем на врача. Лицо бывшего боксёра медленно наливалось раздражением.

— Каких уток, доктор? — он подался вперёд, отчего стул под ним предупреждающе скрипнул. — Вы серьёзно? Я пришёл в государственную клинику, потратил утро, просветил голову в этой трубе, чтобы мне посоветовали кормить уток?! У меня смена горит, аренда машины капает, план выполнять надо. Мне работать нужно, а не уток развлекать! Дайте мне нормальные колёса, блокаду какую-нибудь, чтоб сосуды расширило, и я поехал.

— Молодой человек, не кипятитесь, — голос Шестакова остался ледяным и профессионально спокойным. — Если я выпишу вам сейчас сильные транквилизаторы, я обязан буду аннулировать вашу медицинскую справку для вождения. Вы этого хотите? С такими симптомами за руль нельзя. Ваша галлюцинация — это крик организма о помощи. Если вы не остановитесь сами на недельку, в следующий раз вас привезут сюда уже на скорой, и утки в парке покажутся вам лучшим вариантом. Отпуск. Это моё окончательное решение.

— Да какой отпуск, вы с дуба рухнули? — пациент почти перешёл на крик, но вовремя прикусил язык, вспомнив, под чьим честным словом он сюда попал. — У меня долги, кредиты. Люська, Людмила Васильевна, мне полвечера расписывала, что тут гении работают! Обещала,

что меня на ноги за час поставят. Капельницу бахнут — и свободен. А вы мне путёвку в санаторий выписываете?

Шестаков устало вздохнул и снял очки, потирая переносицу.

— Людмила Васильевна, при всём моём уважении к её пробивным способностям, не реаниматолог. И не волшебник. Она попросила меня посмотреть ваши снимки — я посмотрел. Мозг чист. Органически вы здоровы, понимаете вы это или нет? Но нервная система выгорела дотла.

Олег резко вырвал листок со словом «Магний» из рук врача, скомкал и засунул в карман куртки.

— Спасибо за помощь, доктор. Очень «научный» подход, — процедил таксист, вставая со стула.

Пациент вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Он был в бешенстве. Этот рафинированный невролог в чистом халате явно не понимал, что такое реальная жизнь, где один день простоя стоит кучу денег. Олег шёл по коридору, твёрдо решив, что плевать он хотел на эти советы. Он отлежится ещё денёк, а завтра вечером снова выйдет на маршрут.

Глава 6. Синдром парных случаев.

В подвальном помещении тринадцатой городской больницы время текло по своим, независимым от верхних этажей законам. Здесь не было панорамных окон и мягких кресел, зато исправно работала приточно-вытяжная вентиляция, а тишину нарушал лишь монотонный компрессорный гул холодильных камер.

Игорь сидел в ординаторской морга, задумчиво разглядывая пустую пластиковую чашку. Вторая половина дня выдалась на редкость спокойной, что в их профессии всегда настораживало.

— Игорёк, ты в приметы веришь? — Саныч, отложив в сторону свежий сканворд, поправил съехавшие на кончик носа очки.

— Саныч, я верю в сухую статистику, должностные инструкции и в то, что если мы сейчас не закажем обед, я съем свой кактус, — не поворачивая головы, отозвался Игорь.

— Не, я серьёзно, — старый санитар почесал седой затылок. — Слыхал про закон парных случаев? Это когда привозят какого-нибудь случайного покойника, ну, скажем, с экзотическим вывихом или редким отравлением, и в тот же день, хоть ты тресни, приволокут точно такого же второго. Чистая мистика, а работает железно.

— Это называется когнитивным искажением, Саныч. Ты обращаешь внимание на совпадения и игнорируешь закономерности, — он наконец встал, потянулся и накинул на плечи свеженький медицинский халат. — Ладно, пойду наверх, в архив. Надо занести карты за прошлую неделю, пока начальство не устроило разнос.

Игорь поднялся на лифте на четвёртый этаж, в отделение плановой неврологии. Здесь царил привычный больничный покой. Проходя мимо ординаторской, он заметил приоткрытую дверь. За столом, подперев голову руками, сидел доктор Шестаков. Перед ним стояла нетронутая чашка остывшего чая, а сам невролог с каким-то странным, отрешённым выражением лица смотрел в одну точку на стене.

Игорь, знавший Шестакова по редким совместным консилиумам, постучал согнутым пальцем по косяку.

— Павел Андреевич, живой? Или мне пора готовить под вас бланк? — с привычным медицинским цинизмом поинтересовался коллега.

Шестаков вздрогнул, словно его вырвали из глубокого сна, и быстро поправил очки.

— А, Игорь... Заходи. Извини, задумался. Пациент один забавный попался. Вернее, не забавный, а... упрямый. Бывший боксёр, таксист. Пришёл с жалобами на панические атаки. На МРТ — идеальная картина, сосуды хоть в учебник вставляй. А он требует волшебную таблетку, злится, слушать ничего не хочет про отдых. Кричит, что у него смена горит и план выполнять надо.

Игорь хмыкнул, прислонившись к дверному проёму.

— Обычное дело. Люди готовы жрать химию горстями, лишь бы не менять свой привычный ад. Ты ему отпуск прописал?

— Прописал, — Шестаков устало потёр переносицу. — Ушёл, дверью хлопнул. А у меня... понимаешь, после его ухода какое-то дурацкое ощущение осталось. Словно я этот разговор раньше слышал. Не здесь. И не с ним. Навязчивое такое дежавю, аж зубы сводит. Наверное, сам переутомился.

Игорь внимательно посмотрел на бледное лицо невролога. Будучи патологоанатомом, он привык замечать мелкие детали — едва заметный тремор пальцев Шестакова, капли пота на висках, слишком частое дыхание.

— Слышь, доктор, ты бы сам проверился, — уже без иронии сказал Игорь. — А то лечишь тут таксистов от выгорания, а у самого вид такой, будто тебя сейчас к нам вниз везти

надо. Спустись ко мне вечером, у меня коньяк есть медицинский, чистый как слеза. Нервы подлечим.

— Спасибо, Игорь, я подумаю, — натянуто улыбнулся невролог, возвращаясь к монитору компьютера. — Сейчас только с отчётами закончу.

— Да брось ты, Шестаков, какие отчёты? — Игорь лениво оттолкнулся от косяка и сделал шаг в кабинет. — Живые подождут, а у моих так вообще дедлайн сгорел ещё вчера, никто не торопит. Самая непыльная работа, между прочим. А ты из-за писанины инфаркт схватишь.

— Тебе смешно, — вздохнул невролог, не отрывая взгляда от мерцающего экрана. — А меня главврач за эту статистику по госпитализации живьём закопает. Ещё и Люська эта, Людмила Васильевна, из коридора коршуном подглядывает. Привела родственничка, а я его утиным кормом лечить отправил. Она же мне этого не простит.

— О-о, ну против Люски магний точно не поможет, тут нужен калибр посерьёзнее, — хохотнул патологоанатом, засовывая руки в карманы халата. — Тут только чистый спирт и глухая оборона. Так что мой коньяк — это не роскошь, Шестаков, а первая медицинская помощь. Антидот от агрессивной семейной терапии.

— Ладно, уговорил, чертяка, зайду позже, — Шестаков наконец слабо улыбнулся и откинулся на спинку кресла. — Только чур в твоём подвале костями не греметь и о работе ни слова. Нам ещё разговоров о загробной жизни для полного счастья не хватало.

Игорь попрощался и пошёл дальше по коридору в сторону архива. Настроение у Шестакова явно было скверным, но патологоанатом привык, что у живых врачей, в отличие от его подопечных в подвале, вечно хватает поводов для головной боли. Игорь нажал кнопку лифта, планируя поскорее закончить с бумагами и успеть зайти в магазин до закрытия.

Глава 7. Чертёж по живому.

Понедельник начался для Алины с мелкого дождя, превратившего мартовский снег на дорогах в серую кашу. Замшевое пальто после субботнего инцидента в кафе пришлось сдать в химчистку, поэтому сегодня Алина куталась в старый, но практичный болоньевый пуховик. Настроение соответствовало погоде.

В офисе архитектурного бюро на Покровке пахло кофе, тонером и мокрыми зонтами. Алина села за свой рабочий стол, включила системный блок и открыла программу для трёхмерного моделирования. Ей предстояло переделать проект перепланировки старой четырёхкомнатной квартиры на Малой Бронной. Заказчик — дотошный чиновник на пенсии — требовал объединить гостиную с коридором, но категорически отказывался трогать одну из внутренних перегородок.

— Алиночка, зайди ко мне на минуту, — из стеклянного кабинета выглянул шеф бюро, Аркадий Валерьевич.

Алина вздохнула, взяла планшет и вошла к начальнику. Тот крутил в руках массивную перьевую ручку, глядя на экран своего монитора.

— Тут такое дело, — Аркадий Валерьевич поднял глаза. — Твой чиновник с Малой Бронной звонил. Он где-то раздобыл старые поэтажные планы дома за тысяча девятьсот семьдесят второй год. Утверждает, что та стена, которую ты хочешь демонтировать — несущая. Неси чертежи, будем перепроверять капитальность конструкций. Придётся тебе поднять архивные документы по этому зданию.

— Но по всем современным планам БТИ это обычная ненесущая перегородка в полкирпича, — удивлённо нахмурилась Алина. — Я лично выезжала на замеры и простукивала её. Там пустота.

— Клиент всегда прав, даже если он параноик, — развёл руками шеф. — Сгоняй в архив или найди историческую справку. Нам не нужны проблемы с жилищной инспекцией.

Экран рабочего монитора привычно резанул по глазам неоновым светом. Алина уткнулась в поисковые базы, мысленно готовясь к худшему. Проектирование в историческом центре Москвы — это всегда неблагоприятная археология и вечная головная боль. Поднимаешь объект, а там, как в слоёном пироге: кривые перестройки советских времён, чехарда в ведомостях БТИ, царское клеймёное железо, намертво сросшееся со шлакоблоками эпохи развитого социализма. Одно тянет за собой другое, и концы найти невозможно.

Она лениво пролистывала оцифрованный реестр старого жилого фонда Пресни, пока палец не замер на колёсике мышки. В самом низу страницы сиротливо ютилась мелкая, едва заметная сноска. Чертежи и детальные планы глобальной реконструкции этого несчастного квартала в конце девяностых испарились из общего доступа. Вместо ссылки на скачивание файла напротив нужного адреса красовался жирный штамп: *«Передано в архив городского суда по делу № 44-Б»*.

Алина с досадой подпёрла подбородок кулаком, тупо уставившись на синие цифры. Прекрасно. Рядовая перепланировка в старой квартире на глазах превращалась в душный бумажный квест с непредсказуемым финалом. Вариантов оставалось немного: либо штурмовать центральный госархив с официальными запросами, либо судорожно искать личные выходы на архив судебного департамента. И всё это ради того, чтобы одним глазком взглянуть на старую схему несущей стены. Тащиться на другой конец не хотелось, но дедлайн по проекту мягко наступал на пятки. Алина сохранила сессию, разом погасила вкладки браузера и потянулась к вешалке за сумкой.

Глава 8. Режим вибрации.

Вечер в комнате Жанны пах чипсами с паприкой, дешёвым яблочным вейпом и перегретым пластиком игровой приставки. На стенах, поверх старых обоев с блёклыми мишками, были небрежно наклеены постеры корейских рок-групп со злыми, идеально симметричными лицами. Жанна сидела на подоконнике, поджав колени к подбородку, и яростно листала ленту коротких видео. Экран смартфона, оклеенный кислотными стикерами, отражался в её зрачках быстрыми цветными вспышками.

Взрослые думали, что она бесится с жиру. Батя на кухне орал про телефон за сто тысяч и неблагодарность, а Жанне в этот момент хотелось содрать с себя кожу, чтобы перестать слышать, как монотонно и страшно тикают часы в коридоре.

Они все в этом доме были мёртвыми, просто забыли лечь. Мать Люся сутками пропадала на своих дежурствах в неврологии, возвращаясь бледной тенью с запахом кварцевых ламп. Отец Пашка до хруста в суставах вкалывал на мебельной фабрике, а по вечерам, с жареной картошкой, превращался в биоробота, уставившегося в телевизор. Дядя Лёлик вообще напоминал бетонный памятник самому себе — сидел в своём такси бизнес-класса, заблокировав все эмоции. Жанна панически, до тошноты боялась стать такой же. Ей казалось, что если она перестанет орать, хлопать дверями и провоцировать их, то эта серая московская слякоть за окном затянет и её, превратив в очередную послушную шестерёнку.

Её агрессия была единственным способом проверить: они там, снаружи, вообще ещё живые? Чувствуют ли они хоть что-то, кроме усталости?

Жанна отложила телефон. Тот мгновенно звякнул, принимая уведомление, но она не прикоснулась к экрану. Внутри неё, где-то в районе солнечного сплетения, несколько месяцев жил странный, фантомный зуд. Это было похоже на невыключенный режим вибрации. Иногда, особенно в тишине перед сном, это ощущение усиливалось, превращаясь в низкий, едва слышный гул, напоминающий работу тяжёлого компрессора или... шум далёких авиационных двигателей.

Она никогда не летала на самолётах. Мать панически боялась высоты после какой-то старой семейной трагедии, о которой в доме никогда не говорили, и Жанну возили только на поездах. Но в кофейне, когда у неё в очередной раз зазвонил телефон, этот внутренний гул вдруг стал невыносимым. Мир вокруг на секунду потерял резкость. Лакированный стол кафе, бежевое замшевое пальто какой-то сытой женщины за соседним столиком — всё это показалось Жанне декорациями из дешёвого картона. Она психанула не потому, что была злой. Она всего-навсего пыталась пробить эту картонную реальность, чтобы сделать вдох.

Жанна соскользнула с подоконника, подошла к зеркалу, висящему на дверце шкафа, и потянула за край безразмерного чёрного худи, оголяя левое плечо.

Там, чуть выше лопатки, у неё было небольшое родимое пятно странной, вытянутой формы, отдалённо напоминающее силуэт крыла. Жанна коснулась его холодными пальцами. Ей часто снился один и тот же сон: она сидит в каком-то тесном, грохочущем железном коробе, вокруг темно, пахнет гарью, а перед её лицом медленно, как в замедленной съёмке, лопается толстая пластиковая обшивка. И в эту щель бьёт очень яркое неестественное солнце.

Глава 9. Точка усадки.

Алина стояла на платформе станции метро «Чистые пруды», прижавшись спиной к массивной гранитной колонне, и ждала поезд. Болоньевый пуховик пах сыростью. В кармане вибрировал телефон — Лилия Петровна прислала уже четвёртое сообщение с фотографиями образцов паркетной доски, но Алина даже не открывала чат.

В её сумке лежал планшет с оцифрованным реестром Пресненского района. Буквы «Объект передан в архив суда по делу № 44-Б» выжгли внутри Алины старую, хорошо знакомую тревогу.

Люди думали, что она — успешный столичный архитектор с хорошим вкусом и железными нервами. Никто не знал, что её профессия была формой затянувшейся терапии. Когда ей было девять лет, её семья жила в пятиэтажке на окраине Смоленска. В один из апрельских дней дом дал резкую, неравномерную усадку. В углу её детской комнаты обои со звуком лопающейся струны разошлись, обнажив косую, рваную трещину в бетонной плите. Трещина дышала подвальной сыростью и расширялась по миллиметру в день. Здание тогда признали аварийным, жильцов расселили, но внутри девятилетней девочки навсегда поселился ужас перед скрытыми пустотами. Перед тем, что внешне монолитная, надёжная стена внутри может оказаться трухой, готовой рухнуть в любой момент.

С того дня у Алины появился бзик на скрытых дефектах. Приезжая на объект, она не хваталась за рулетку. Первым делом доставала тяжёлый кастет-брелок и методично, сантиметр за сантиметром, простукивала стены, вслушиваясь в отзвуки. Ловила утробный звук пустоты — пыталась найти её раньше, чем эта пустота рванёт сама. Тот же пунктик наглухо заклинил и личную жизнь. Она оценивала мужчин, будто сканировала несущие балки. Стоило заметить малейший намёк на внутреннюю трещину, гнильцу в характере — тут же, без лишних соплей, резала по живому. Верить можно было только чертежам. Но сейчас поплыли и они.

Состав с грохотом вывалился из темноты тоннеля, толкнув в лицо душную волну горячего воздуха, пахнущего креозотом и металлической гарью. Алина шагнула в полупустой вагон, сползла на сиденье и прикрыла глаза.

Но вместо привычного перестука колёс мысли упорно возвращались к утреннему выезду на Малую Бронную. Перед ней до сих пор стоял момент, когда прораб вскрыл первый шурф в спорной стене. Алина тогда наклонилась к самому пролому. Из глубины кладки потянуло вовсе не вековой извёсткой или сухим цементом — повеяло чем-то едким, химическим. Очень напоминало застарелое машинное масло. И почему-то авиационный керосин. Тогда она списала это на галлюцинацию от усталости, но сейчас, связывая этот запах с банкротством компании «Авиа-Альянс» из архивной сноски, она чувствовала, как под ногами уходит опора.

Субботний инцидент в кафе тоже перестал казаться случайным. Злая, колючая девочка в чёрном худи, швырнувшая стакан с колой, напомнила ей ту самую трещину из детства. В этой малолетке была такая же разрушительная, неконтролируемая энергия хаоса, ломающая идеальные пропорции мира. Жизнь девушки, выстроенная по строгим осям и согласованным планам, внезапно начала обрастать ломаными линиями.

Вагон качнуло на стрелке. Алина открыла глаза и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле окна — там, снаружи, мелькали серые тубинги туннеля.

Вокруг неё текла обычная, монотонная жизнь вечернего часа пик, где каждый был надёжно заперт в своём собственном мирке. Напротив дремал пожилой мужчина, уронив голову на грудь и мерно покачиваясь в такт движению поезда. Чуть левее парень в огромных беспроводных наушниках не отрывал взгляда от экрана телефона, где под его пальцами стремительно рушились и выстраивались заново цветные блоки какой-то головоломки. Рядом с ним стояла женщина с тяжёлыми пакетами; она устало разглядывала расклеенную на стене

вагона рекламу, шевеля губами, словно подсчитывала в уме стоимость продуктов. У дверей две студентки оживлённо шушукались, глядя в один экран на двоих, а высокий мужчина в деловом костюме, нависая над сидящими, отрешённо изучал схему линий метро над противоположной дверью. Все они были заняты своими привычными, будничными заботами, и никому не было дела до чужих странных предчувствий.

«Дело сорок четыре-Б, — мысленно повторила она, крепче сжимая ремень сумки. — Мне всего лишь нужно посмотреть на этот старый чертёж. Я найду эту скрытую пустоту в стене, закрою проект и верну контроль. Я не позволю этому дому рухнуть».

Поезд замедлил ход, и динамик в вагоне безэмоционально произнёс: «Станция "Тверская"». Алина поднялась, поправляя капюшон. Через десять минут она спустится на три метра под землю, в полуподвальный этаж суда, к тихому архивариусу Кириллу, даже не подозревая, что её персональная точка усадки давно пройдена.

Глава 10. Бумажная пыль.

Кирилл любил цокольный этаж здания Тверского районного суда за абсолютную, почти осязаемую тишину. Наверху, на судебных этажах, ежедневно кипели шекспировские страсти: плакали конвоируемые, кричали адвокаты, хлопали тяжёлые двери и шуршали мантиями судьи. Сюда же, на три метра под землю, долетал лишь приглушённый гул вентиляции.

Ему было двадцать четыре. Из-за лёгкого заикания, обострявшееся при общении с незнакомцами, он сознательно выбрал работу, где главными собеседниками стали картонные папки-скоросшиватели. За два года службы в должности ведущего специалиста архива он навёл здесь идеальный, почти маниакальный порядок.

— Кирилл, — в дверях материализовалась Танечка, секретарь гражданской канцелярии, державшая в руках чашку с чаем. — Там к тебе пришли. Девушка какая-то. Из архитектурного бюро. Просит дело по реконструкции на Малой Бронной за девяносто какой-то год. Посмотришь?

Парень недовольно поправил очки в тонкой металлической оправе. Понедельник близился к концу, и он уже рассчитывал спокойно допить свой кефир.

— Пу-пускай заходит, — тихо ответил он, даже не повернувшись.

Через полминуты в архив вошла Алина. Её болоньевый пуховик слегка поблёскивал от мартовской измороси, при себе у неё была синяя папка с официальным запросом от бюро.

— Здравствуйте, — Алина замерла, разглядывая серые стеллажи, забившие весь подвальный коридор. — Мне сказали, строительные планы по тридцать второму дому на Малой Бронной у вас лежат. Дело номер сорок четыре-Б, за девяносто восьмой год.

Кирилл забрал бумагу, пробежал глазами по синей печати и развернулся к монитору. Пальцы привычно забарабанили по клавишам.

— Сорок че-четыре-Б... — выговорил он, всматриваясь в экран. На стыках слов он едва заметно запнулся. — Слушайте, это вообще не гражданский с-спор. Тут старая у-уголовка. Конфискация после банкротства авиакомпании какой-то. Лет пятнадцать назад за-закрыли.

Алина удивлённо приподняла брови.

— Какой ещё авиакомпании? Мне чертежи фундамента нужны и раскладка по несущим стенам. У заказчика там суды из-за незаконной перепланировки.

— Се-секунду, — Кирилл отодвинул стул и пошагал в глубь помещения, к стеллажам спецхрана.

Где-то в темноте угла грохнула стремянка. Кирилл влез на пару ступеней, потянулся к верхней полке и сдёрнул оттуда пухлую архивную папку, надёжно увязанную серой бечевой. По залу разлетелось облако сухой пыли. Он громко чихнул, едва не выронив стопку бумаг из рук.

— Будьте здоровы, — автоматически сказала Алина, делая шаг назад, чтобы освободить ему место у стола.

— С-спасибо, — Кирилл аккуратно опустил дело на деревянную столешницу. — Вот, с-смотрите. Здесь все чертежи за девяностые и нулевые годы. Но выносить из за-зала нельзя. Исключительно ознакомление и выписки.

Он развязал узлы бечёвки. Папка раскрылась с сухим, старческим хрустом. Из неё пахнуло затхлой бумагой, клеем ПВА и залежалым картоном. Кирилл начал медленно перелистывать пожелтевшие страницы с чертежами, синьками и актами осмотра, ища нужный адрес. Алина наклонилась ближе, внимательно вглядываясь в графические схемы.

Глава 11. Нечего расслаиваться.

Олег сидел в машине на парковке у торгового центра и злобно гипнотизировал взглядом дисплей рабочего смартфона. Смятый, превращённый в ничтожный бумажный шарик листок с каракулями доктора Шестакова так и остался гнить на дне кухонного ведра. Полтора дня этого вынужденного домашнего ареста, душная тишина квартиры и дебилские телепередачи чуть не довели его до ручки. Отпуск, размеренные прогулки, кормление уток в парке — вся эта сопливая медицинская чепуха была для пенсионеров, а не для него. Безделье выедало мозги изнутри почище любой суточной смены.

«Анатомически здоров — сам же сказал, умник в халате», — зло подумал Олег, вспоминая ледяной тон невролога.

Палец с силой коротко ткнул в смартфон, нажимая кнопку «Выйти на линию». Дисплей послушно мигнул, оживая и запуская счётчик таксометра. Понеслось. Суточная аренда корейца капала каждый час, долги на картах сами себя закрывать не собирались, а физически Олег сейчас чувствовал себя вполне сносно. Колено больше не стреляло, в голове стояла нормальная рабочая трезвость. Тот дикий ночной инцидент с падением и удушливым, взявшимся из ниоткуда запахом керосина теперь казался дурацким, нелепым фокусом переутомлённого мозга. Мало ли какая дрянь привидится, когда рулишь неделями и спишь от силы по четыре часа в сутки.

Навигатор пронзительно пискнул, выплеснув на экран первый заказ. Поездка с Проспекта Мира до площади трёх вокзалов. Самый обычный короткий маршрут, копеечный чек, вечная привокзальная суета.

Олег привычным движением воткнул передачу и плавно, впритирку к бордюру, вырулил с парковки торгового центра на проезжую часть. Москва лениво погружалась в густые весенние сумерки. Вдоль проспектов вспыхивали ядовитые витрины, в левые ряды упрямо втягивались, багровые от стоп-сигналов хвосты автомобилей, возвращающихся с работы. Олег вёл машину жёстко, уверенно, на автомате перестраиваясь из ряда в ряд по памяти. Этот монотонный, агрессивный ритм вечернего трафика парадоксально успокаивал, возвращая давно потерянное, суррогатное ощущение контроля над собственной жизнью.

Он довёз первого пассажира — хмурого мужчину с тяжёлым чемоданом, получил расчёт и сразу взял следующий заказ. Потом ещё один. Часы на приборной панели монотонно отсчитывали время: восемь вечера, девять, половина десятого. Город постепенно пустел, уступая место ночным полуночникам.

Около одиннадцати ночи, когда столица окончательно выдохлась и застряла в глухих заторах, агрегатор выплюнул очередной заказ: с Каланчёвки на Покровку. Олег крутанул руль и подкатил к угрюмому, давящему своим масштабом сталинскому зданию с тяжёлыми гранитными колоннами. Из массивных дубовых дверей, едва ли не силой выталкивая себя наружу, вышла женщина. Строгое тёмное пальто, душащий воротник, на плече — бесформенная, явно набитая бумагами сумка, тянувшая её к земле. Клиентка выглядела так, будто отработала трое суток без сна: она то и дело поправляла сползающие на переносицу очки.

Дверь машины открылась, впустив внутрь порцию сырого ночного воздуха. Пассажирка грузно опустилась на заднее сиденье, скользнув сумкой по обивке. Тихо, почти одними губами, вежливо поздоровалась. Обессиленно откинулась назад, практически впечатав затылок в подголовник, и плотно прикрыла глаза. В салоне сразу запахло мокрой шерстью её пальто и дешёвым аптечным ментолом.

— Добрый вечер. Поедем через Садовое? Там сейчас свободно, — спокойно спросил Олег, поглядывая в зеркало заднего вида.

Женщина нехотя открыла глаза, поправила дужку очков и коротко кивнула.

— Да, пожалуйста. Как быстрее.

Олег мысленно усмехнулся этому «как быстрее». За годы работы в такси он слышал эту фразу тысячи раз, и она всегда звучала одинаково — как заклинание человека, пытающегося отчаянно обогнать само время. Пассажирам всегда казалось, что у водителей в бардачке спрятан секретный пульт от светофоров или скрытый телепорт, способный сжать забитые московские улицы до размеров взлётной полосы. Но реальность мегаполиса плевать хотела на чужую спешку. Садовое могло замереть в мёртвом заторе из-за малейшего пустяка вроде притёршихся бамперами чудачков, и тогда любое «быстрее» превращалось в бесконечное, изматывающее «ползти по метру в минуту». Впрочем, Олег прекрасно понимал эту усталость — порой людям просто хотелось поскорее закрыть дверь квартиры, смыть с себя дорожную пыль, усталость этого дня и забыть о баранке.

Олег тронул машину с места. Дорога была пустой, колёса мягко шуршали по влажному асфальту. Всё шло абсолютно нормально. Напряжение, не отпускающее его последние дни, окончательно отлегло. Он мысленно посчитал заработок за вечер и остался доволен — план он выполнил, а значит, Шестаков со своими страшилками про скорую помощь был в корне неправ. Нужно уметь держать удар и не раскисать.

Глава 12. Встречное движение.

Седан плавно скользил по Садовому кольцу. Люся сидела на заднем сиденье, зажмурившись от монотонного мелькания уличных фонарей. Двенадцатичасовое дежурство в тринадцатой городской больнице выжало из неё все силы. Сначала была суeta в приёмном покое, потом заполнение бесконечных журналов учёта, а под конец смены — выговор от начмеда из-за путаницы с какими-то бланками МРТ. Люся мечтала всего об одном: побыстрее добраться до дома, стянуть тяжёлые сапоги и провалиться в сон.

Она лениво открыла глаза и посмотрела на затылок водителя. Мужчина за рулём казался смутно знакомым — широкие, массивные боксёрские плечи, характерный наклон головы влево, манера держать баранку обеими руками сверху.

Люся присмотрелась к его профилю в зеркале заднего вида и удивлённо приподняла брови.

— Олег? — спросила она, подавшись вперёд. — Лёлик, это ты, что ли?

Олег от неожиданности едва не дёрнул руль. Он внимательнее взгляделся в зеркало. Из-за полумрака салона и усталости он действительно не сразу узнал жену старшего брата.

— Люська? — Олег сбросил скорость и перестроился в правый ряд. — Ну ни фиги себе совпадение. Ты откуда в такое время?

— Да с дежурства я, откуда ещё, — Люся устало выдохнула, снимая очки и массируя переносицу. — Ноги гудят, голова раскалывается. Погоди, а ты почему за рулём? Вовсю бомбишь? Ты с ума сошёл? Пашка же сказал, тебе плохо было!

Олег невольно поморщился, чувствуя, как внутри всё моментально сжалось в тугий узел. В горле встал сухой комок. Поймать на ночном маршруте собственную невестку, вдобавок пашущую старшей медсестрой в том самом неврологическом отделении, откуда он только что сбежал, — это был не просто плохой расклад. Это был худший, максимально паршивый сценарий из всех возможных. Настоящая засада. Сейчас в зеркале заднего вида неизбежно замаячит её суровый взгляд, и начнётся тягучий, душный семейный допрос с пристрастием. Отпираться и врать, что он «прогревает машину», в его положении было совершенно нереально и глупо.

— Люсенька, не шуми, ради бога, — примирительно поднял руку Олег. — Был я у вашего Шестакова. Всё нормально со мной. Мозги просветили, сосуды чистые. Доктор сказал — обычный стресс от недосыпа. Так что не надо паники. Я чувствую себя отлично, вот, копеечку зарабатываю. А Пашка вечно из мухи слона раздувает.

— Да? — Люся подозрительно прищурилась, глядя на него из темноты заднего сиденья. — Шестаков, говоришь, тебя отпустил? Павел Андреевич просто так никого не отпускает, он у нас маньяк до инструкций. Если бы у тебя хоть что-то неладное было, он бы тебя в палату уложил. Но вид у тебя всё равно скверный, Лёлик. Бледный ты какой-то.

— Нормальный вид, рабочий, — буркнул Олег, упрямо глядя на дорогу.

— Рабочий он... — передразнила Люся. — Послушай меня. Если Павел Андреевич сказал, что это стресс — значит, надо отдыхать, а не крутить руль по ночам. Ты себя в гроб вколотить хочешь? Пашка из-за тебя места себе не находит. Да и Жанка дома кровь сворачивает — устроила вчера истерику на ровном месте, хлопнула дверью, уроки не учит. В доме атмосфера — хоть топор вешай. А тут ещё ты со своими приступами.

Машина свернула с Садового кольца в сторону Покровки. Движение здесь стало реже, замелькали фасады старых невысоких домиков.

— Слышь, Лёлик, — Люся поправила сумку на коленях. — А Пашка тебе про дядю Лёву не говорил? Мы вчера вечером на кухне сидели, вспоминали. У него же сейчас отличная дача под Наро-Фоминском. Там речка рядом, тишина, сосны. Дядя Лёва давно звал кого-нибудь из вас в гости, скучно ему там одному. Возьми ты отпуск на недельку. Съезди за город. Поды-

пишь воздухом, порыбачишь. Он твой любимый чай заварит, анекдоты свои одесские порассказывает. Глядишь, и голова пройдёт, и паника эта твоя дурацкая улетучится.

Олег промолчал, лишь сильнее стиснув пальцами потёртый обод руля. Он плавно, почти незаметно придавил педаль, осаживая машину перед загоревшимся красным пятном светофора. Эти слова Люси — простые, будничные — неожиданно глубоко залезли под кожу и зацепили там какую-то старую, давно заржавевшую струну. Внутри тоскливо заныло. Перед глазами сам собой всплыл образ старой подмосковной дачи, завёрнутой в сонную июльскую тишину, и неторопливый, пустяковый разговор с дядей Лёвой под глухой стук яблок о траву. Сейчас всё это казалось картинкой из чужой, безвозвратно потерянной и совершенно недосягаемой жизни, до которой не дотянуться. Но стоило бросить взгляд на приборную панель, как морок рассеялся. Оцифрованная суточная аренда корейца и мёртвая петля рабочих долгов никуда не делись — они всё так же висели на шее чугунным, удушливым грузом, не оставляя права на слабость.

— Ну не знаю, Люсь. Я обязательно об этом подумаю, — неохотно ответил он, потирая затёкшую шею. — Сейчас не то время, чтобы по дачам разъезжать. Работа горит, за аренду каждый день списывают. Сам не покрутишься — никто за тебя коммуналку не заплатит.

— Работа у него горит... Здоровье у тебя горит, дурак ты большой, — вздохнула Люся, когда машина плавно затормозила у нужного дома и замерла под тусклым светом фонаря. — Всех денег всё равно не заработаешь, а Шестаков просто так пугать не станет. Если сказал «утки», значит, марш в парк с батоном. Тебе Пашка мало мозг выносил? Так я добавлю, ты меня знаешь. Устрою тебе такую терапию — сам в санаторий попросишься.

Олег лишь устало улыбнулся, глядя на неё через зеркало.

— Да знаю я, Люсь. Твой характер танк не прошибёт.

— Вот именно. Так что не зли меня, Лёлик, — Люся потянулась к ручке двери, но на секунду задержалась, внимательно вглядываясь в осунувшееся лицо. — Спасибо, что довёз, да ещё и в целости. Подумай про дачу и про дядю Лёву, серьёзно. Там глушь, тишина, воздух чистый — как раз для твоих перегоревших нервов. Паша завтра ему сам позвонит, разузнает что да как, если ты упрямиться будешь. Хватит из себя железного человека строить. Ладно, пока. Береги себя, слышишь? Телефон не выключаай.

Она захлопнула дверь, и Олег снова остался один в тишине салона, глядя, как Люся скрывается в тёмной арке двора. Наводящий вопрос про дядю Лёву оставил внутри странное, зудящее чувство.

Глава 13. Бессонница.

В квартире Павла Андреевича пахло детской присыпкой, лавандовым мылом и подгоревшим молоком. Этот родной коктейль запахов обычно помогал ему переключить мозг после одиннадцати часов в больнице, но сегодня стерильный покой тринадцатой городской никак не хотел уступать место домашнему уюту.

Павел тихо, почти не дыша и стараясь не наступать на рассохшиеся, предательски скрипучие плашки паркета, проскользнул в глубину кухни. Круглый циферблат над раковиной тускло светился в полумраке — стрелки застыли на половине двенадцатого ночи.

— Пришёл? — Марина даже не повернула головы. Она стояла спиной к нему, у самой плиты, зябко завернувшись в объёмный махровый халат. Тёмно-каштановые волосы были наспех перетянуты резинкой в тугую, растрёпанный пучок, а в веерном свете вытяжки под глазами отчётливо проступали сизые пятна усталости. — Котлеты на средней полке, в пластике. Разогрей сам, если хочешь. У меня сил нет даже вилку помыть. Тёма опять весь день на изнанку выворачивается, дёсны опухли, зубы лезут. С рук вообще не слезал, спина отваливается.

— Извини. Извини, Марин... Застрял с этими отчётами, будь они неладны, — Павел подошёл ближе, попытался осторожно, со спины, положить ладони на её поникшие плечи. Но жена коротким, мягким, но абсолютно непреклонным движением локтя отстранилась.

— Паш, ради бога, не надо. Устала как собака, просто не трогай меня. Ты вечно попадаешь на своих дежурствах и пятиминутках, а я тут заперта одна с годовалым ребёнком в четырёх стенах. Хоть бы раз, ну хоть бы раз ради приличия приехал пораньше. Помог бы элементарно его искупать, у меня уже руки дрожат.

— Марин, ну я же не развлекался, — Павел виновато вздохнул, убирая руки в карманы и чувствуя себя распоследним эгоистом. — Ты же знаешь, какая у нас в отделении сейчас суматоха. Главврач за эту статистику по госпитализации из нас всю душу вытряс. На мне ведь всё отделение висит, бумажка к бумажке, шаг влево — выговор.

— Твои бумажки, — Марина резко повернулась к нему, в её глазах в свете вытяжки блеснули слёзы злости и бессилия. — У тебя для твоих пациентов всегда находится вагоны терпения! Ты их часами выслушиваешь, чужие галлюцинации разбираешь, МРТ до дыр разглядываешь! А то, что у твоего собственного сына температура под тридцать восемь и дёсны кровят, тебя вообще волнует? Я полдня на телефоне с педиатром, одна!

Шестаков ничего не ответил — безропотно проглотил упрёк. Ввязываться в бессмысленную ночную перепалку не было ни ресурса, ни желания. Тем более, что он не был так тесно знаком с педиатрией, чтобы ставить диагнозы и назначать лечение своему ребёнку. Он слишком сильно любил и хорошо понимал Марину, её право на эту злость, но и разорваться между тяжёлым, вечно штормящим отделением неврологии и разваливающимся домом тоже физически не мог.

Павел Андреевич глухо звякнул дверцей холодильника, выудил оттуда контейнер, плеснул в кружку остатки остывшего за день крепкого чая и грузно опустился на табурет. Жевать не хотелось, аппетит выбило начисто. В висках нудно и тупо стучали мысли о дневном визите того упрямого, задёрганного таксиста Олега. И это странное, неприятное, тревожное чувство узнавания, которое Шестаков так и не сумел разложить по полочкам за весь вечер, ворочалось внутри как холодная котлета.

Из детской донеслось прерывистое, жалобное хныканье. Марина тяжело вздохнула и поплелась в комнату.

Через полчаса в квартире, наконец, воцарилась глухая, ночная тишина. Павел принял душ, зашёл в спальню и сел на край кровати. Его старая проблема — бессонница на фоне

хронического стресса — уже давала о себе знать. Сердце стучало чуть быстрее, чем нужно, а в уплату за дневное напряжение в висках зарождалась тупая, пульсирующая боль.

Он открыл прикроватную тумбочку. Среди кучи детских пластырей и тюбиков с гелем для дёсен отыскал заветный тёмный флакон. Доктор Шестаков прекрасно знал вред регулярного приёма снотворных, но выбор между зависимостью и очередной ночью без сна с последующим утренним обходом был очевиден.

Он отсчитал три капли в стакан с водой, выпил и лёг под одеяло. Марина спала, уткнувшись носом в подушку и тихо, мерно дышала.

Павел закрыл глаза, вглядываясь в темноту под веками. Лекарство начало действовать минут через двадцать. Тело налилось тяжестью, мысли стали вязкими, а привычные больничные образы начали медленно распадаться, уступая место первому, глубокому забытию. Город за окном затих, и квартира Шестаковых окончательно погрузилась в ночной анабиоз.

Глава 14. Синдром дефицита контроля.

Павла выкинуло из забытья ровно в три часа ночи. Он очнулся со стойким, тошнотворным ощущением, будто его черепную коробку изнутри под завязку засыпали колючим, мелким битым стеклом — и теперь кто-то медленно проворачивал там тяжёлую ложку. Прописанное самому себе снотворное кое-как усыпило бдительность мозга, но вместо полноценного отдыха провалило Павла в рваный, душный, гнетущий кошмар, от которого во рту остался привкус пережжённой меди.

Минут тридцать он бездвижно сидел на самом краю промятого дивана. Дышал через раз, боясь сделать малейшее лишнее движение, чтобы не скрипнуть пружиной и не разбудить Марину, сладко спящую на своей половине. Кое-как натянул в темноте старые домашние спортивки и на цыпочках, ловя пятками холодный пол, ушёл на кухню.

Верхний резкий свет включать не стал — побоялся удара по зрачкам. Ткнул пальцем в сенсорную кнопку. Над раковиной зажглась узкая диодная лента. Мертвенно-холодный синеватый отсвет ломаными линиями упал на стол и его собственные ладони. Павел Андреевич медленно вытянул руки перед собой, всматриваясь в узкие полоски света. Пальцы мелко, противно, с какой-то автономной, чужой частотой ходили ходуном. Настоящий, классический тремор, его невозможно было списать на банальный кофе или усталость после дежурства.

«Эссенциальный тремор на фоне дефицита фазы быстрого сна, — привычно сформулировал он, и этот дурацкий внутренний консилиум на секунду сбил подступивший страх. — Обычный выброс кортизола. Никакой чертовщины».

Шестаков всю жизнь делал карьеру на том, что дрессировал человеческую биологию. Мозг для него всегда оставался сложным, но абсолютно логичным процессором. Все эти панические атаки боксёра Олега, чужие глюки, страхи — Павел щёлкал их как мелкие баги в коде. Назначал магний, режим, торможение нейромедиаторов — и готово. Он терпеть не мог разговоры про «тонкую душевную организацию» и мистику. Но последние трое суток его собственный процессор откровенно срывался вразнос.

Павел открыл ноут прямо среди раскиданных по столу детских бутылочек и зашёл в закрытую базу тринадцатой горбольницы. Пальцы привычно отбарабанили пароль, вытаскивая на экран карту Олега.

Шестаков вывел снимок МРТ. Идеальные борозды. Абсолютно чистые, здоровые сосуды. Ни единой органической зацепки, объясняющей, почему здоровый, тренированный мужик за рулём внезапно начинает задыхаться от запаха керосина.

«Синхронный соматоформный бред», — прошептал Павел, но от слова «синхронный» внутри всё заledenело.

В своём ночном кошмаре Шестаков сам стоял в падающем самолёте. И это не было абстрактным полётом из детских страхов. Павел, ничего не смыслящий в авиации, во всех деталях запомнил ряды заклёпок на панели, маркировку тумблеров и эту тупую, давящую боль в ушах, когда в гермокабине снижается давление. Его мозг откуда-то физически знал, как падает многотонный лайнер. Но хуже было другое: на месте пилота, намертво вцепившегося в бьющийся штурвал, Шестаков со спины чётко разглядел массивный, боксёрский затылок Олега.

Павел проснулся от собственного крика, к счастью, застрявшего сиплым комком в горле, не потревожив чуткий сон супруги и маленького Тёмы. Он судорожно зажмурился и сильно потёр лицо ладонями. Пахло домашним лавандовым мылом Марины, но под ним, едва уловимо, всё ещё зудел удушливый, фантомный дым горелой пластмассы.

«С ума сойти, — бешено колотилось сердце в груди. — Прав был Игорь, чёртов трупоед. Мне самому пора в стационар. Горизонтально. Недельки на три».

Он подошёл к окну. Ночная Москва за стеклом горела ровным неоновым светом рекламных щитов. Город казался стабильным, но Павел впервые в жизни почувствовал себя патологоанатомом, препарирующим живое, бьющееся существо. Этот мегаполис сверху выглядел как гигантская нейросеть, где миллионы людей связаны невидимыми, подкожными кабелями. И где-то в этих кабелях прямо сейчас происходило жуткое, противоестественное короткое замыкание, закоротившее мозг уставшего невролога на галлюцинации случайного таксиста.

Павел Андреевич прекрасно знал: если врач начинает разделять бред своего пациента, его нужно немедленно отстранять от практики.

Он захлопнул крышку ноутбука, вернулся в спальню и лёг на спину, уставившись в темноту потолка. Сердце стучало аритмично, с силой толкая кровь по всему напряжённому телу. Шестаков больше не пытался уснуть до самого утра, он лежал неподвижно, боясь закрыть глаза, пока в детской не заплакал годовалый Тёма.

Глава 15. Естественные причины.

В подвальном коридоре морга тускло мигала одна из люминесцентных ламп, издавая едва слышный сухой треск. Время перевалило за полночь, но смена Игоря ещё не была официально окончена. Он сидел в своём кабинете, заполняя журнал выдачи медицинских свидетельств о смерти. Бумажная работа отнимала больше времени, чем сами вскрытия, и это изрядно раздражало.

— Игорёк, ты глянь, что творится-то, — Саныч боком втиснулся в кабинет, бережно прижимая к животу старый, покрытый сеткой сколов эмалированный чайник. — Центральное отопление, кажись, опять к чертям прикрутили, экономят они там наверху, что ли. В секционном зале холодильник можно вообще не включать, пар изо рта валит, как на автобусной остановке. Нам-то с тобой ладно, подвигаемся — согреемся, а вот трубы в углу как бы ни прихватили. Там вечно сыростью снизу тянет, рванёт — до утра плавать будем.

— Напишем заявку инженерам, Саныч, не бурчи под руку, — Игорь даже не поднял глаз от бланка, методично выводя буквы убористым почерком. — Завтра придут, посмотрят, попинают батареи. У нас по плану на сегодня всё, закрываемся?

— Да какое там всё... Размечтался, — Саныч со стуком поставил чайник на тумбочку и тяжело вздохнул. — Только что дежурный отзвонился из приёмного покоя. Везут «подснежника». Измайловский парк, дальняя теплотрасса. На вид чистый бомж, без документов, карманы пустые. Замёрз, судя по всему, ещё дня три назад, когда первые заморозки по ночам вдарили. С минуты на минуту доставят, труповозка уже на территории.

— Ещё этого нам не хватало, — Игорь отложил ручку в сторону и с силой протёр ладонями уставшие, сухие глаза.

Поступление неопознанных тел поздней ночью всегда означало кучу душевной, лишней писанины для криминалистов и следователей. Опять вызывать дежурного из СК, часами катать трупные отпечатки пальцев, скрупулёзно описывать вонючие грязные лохмотья, в коих обычно не находилось ничего, кроме мокрых пачек от дешёвых сигарет и сплюснутых автобусных билетов трёхлетней давности.

— Слышь, Игорёк, а может, его сразу в третью камеру запихнуть, пока следак едет? — Саныч замялся у порога, подёргивая куцую молнию на засаленной флисовой кофте. — А то от него, небось, разит так, что твой чай обратно попросится.

— Не выйдет, Саныч. Если его с теплотрассы сняли, он там наполовину оттаял, наполовину запёкся. Оставляй в предсекционной на каталке, пусть температуру сравнивает, — Игорь поморщился, представив этот характерный сладковато-гнилостный запах вперемешку с дешёвым спиртом. — Оформляй по стандарту: «неизвестный мужчина, на вид пятьдесят-шестьдесят лет». Вскрывать завтра с утра будем, на свежую голову, под протокол. Сейчас я этот журнал допишу и пойду к тебе чай пить. У тебя к чаю-то сушки остались?

— Остались, маковые. Дубовые только, правда, — зубы сломаешь, если без кипятка, — ухмыльнулся Саныч, скрываясь в тёмном коридоре. — Ты заходи, я пока плитку электрическую раскошегарю, хоть у неё погреемся.

Из коридора донёсся раздражающий скрежет отодвигаемой табуретки и чихание старой спиральной плитки, почуявшей ток. Саныч высунул голову обратно в дверной проём, вытирая руки о грязный фартук.

— Слушай, Игорёк, а ведь этот наш новый, «парковый» — он же, считай, идеальный клиент. Тихий, не скандалит, жалобы в Минздрав писать не побежит. Опять же — экологически чистая заморозка, никакого формалина не надо, природа сама всё законсервировала. Ты ему завтра аккуратненько черепушку вскрой, глядишь, там вместо мозга чистый лёд. Хоть в виски бросай.

— Саныч, уймись, — буркнул Игорь, не прерывая бег ручки по бумаге. — Юморист хренов. Тебе лишь бы продукт переводить.

— Да ладно тебе, я ж любя, — Саныч хмыкнул и шумно шмыгнул носом. — Просто прикидываю: если у него в карманах вообще шаром покати, мы его в архив как неопознанного спишем, или криминалисты опять будут три дня по базам его пальцы гонять? А то у меня в шестой камере и так теснота, как в пятничном автобусе. Ладно, давай шевелись, а то кипяток остынет, придётся сушки об покойников разбивать. Они сейчас как раз нужной кондиции.

Смахнув с бланков крошки от дубовых сушек и допив остывший, горький чай, Игорь вернулся к своему столу. Люминесцентная лампа над головой нудно, на одной ноте зудела, от этого звука на зубах оставался противный металлический налёт. В сырой тишине подвала отчётливо, где-то на границе слуха, ворочался далёкий, угасающий стук. Это под фундаментом больничного корпуса, глубоко в известняковых слоях, носились поезда метрополитена.

Игорь давно сросся с этим подземным ритмом. Для него эта мёртвая, выбеленная хлоркой вселенная, была абсолютно стабильной, плоской и полностью предсказуемой. Логика работала железно: люди рождались, как-то сустились, совершали очевидные глупости, а потом неизбежно, по цепочке простых физиологических отказов, оказывались на секционном столе. И у каждого финала — будь то пьяная драка или банальное переохлаждение — всегда имелась сугубо естественная, зафиксированная в протоколе причина. Мир был устроен однозначно: как механические часы.

Глава 16. Зона ответственности.

Вторник начался для Игоря со стойкого ощущения, что чашка утреннего эспresso из пластикового автомата в вестибюле была сварена из пережаренного ячменя и кладбищенской пыли. На языке оставался противный маслянистый привкус дешёвой робусты. Сдав смену, заполнив три последних акта и передав «подснежника» дневной бригаде санитаров, Игорь наконец вышел на парковку за обшарпанной кирпичной стеной тринадцатой городской больницы.

Воздух пах талым снегом, сырой землёй и выхлопными газами со стороны проспекта. Резкое мартовское солнце слепило глаза, безжалостно отражаясь от грязного, покрытого разводами капота старого японского хэтчбека. Голова гудела от едкого запаха формалина. За эту бесконечную ночь он, казалось, намертво въелся в кожу и волосы.

Игорь открыл водительскую дверь, мечтая только о мягкой подушке и плотных шторах, когда путь ему преградил мужчина в ярко-оранжевом жилете поверх дорогой, явно не копеечной спортивной куртки. На вид ему было около тридцати, на пластиковом бейджике, приколотом к груди, красовалось имя — Вадим. В руках он держал планшет со строительными схемами, у него на лице читалось то самое выражение абсолютной, непошибаемой правоты, обычно возникающее у мелких начальников на коммерческих объектах. От Вадима пахло хорошим парфюмом и застарелым перегаром.

— Уважаемый, машину убираем, здесь сквозной проезд для строительной техники, — Вадим даже не посмотрел на Игоря, лениво ткнув пальцем в сторону свежего, ещё пахнущего сыростью бетонного блока, перегораживающего угол улицы. — Туда разгрузка пойдёт. Живее, у меня миксер на подходе, на въезде стоит.

Игорь медленно, со скрипом повернулся к нему. Тяжёлая усталость после бессонной ночи в морге делала его реакцию тягучей, словно он двигался под водой, но взгляд оставался профессионально холодным, цепким и оценивающим. Так смотрят люди, привыкшие видеть изнанку человеческой жизни.

— Здесь нет знака, запрещающего парковку, — спокойно ответил Игорь, закидывая потрёпанную временем сумку на потрескавшееся пассажирское сиденье. — И это муниципальная земля, а не ваша строительная площадка. Границы объекта вон там, за забором.

— Слышь, доктор, ты мне тут законы не цитируй, — Вадим сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. Он повысил голос, явно пытаясь задавить Игоря авторитетом и габаритами. — Знак они завтра повесят, согласовано всё уже. А мне бетон принимать надо. Твоя колымага тут встанет — я из-за тебя неустойку платить должен? Сказано же русским языком: освободил точку. Или мне эвакуатор вызвать, чтоб тебе мозги вправили? Умные все стали, плюнуть негде.

Где-то на заднем плане завывала сирена скорой помощи, пробиваясь сквозь гул далёкой бетономешалки. Игорь молча оценил габариты Вадима, ширину его плеч, плотную шею и то, как тот нервно переминался с ноги на ногу, сжимая кулаки. Будучи патологоанатомом, он часто видел последствия таких пустых, вспыхнувших на ровном месте дорожных споров на своём секционном столе. Насмотрелся на то, как зашивают подобные волевые подбородки, чтобы сейчас вступать в банальную драку из-за куска асфальта.

— Вызывай, — флегматично бросил Игорь, садясь на продавленное сиденье. — Пока он доедет через утренние пробки, я буду дома спать. А за эвакуацию «колымаги» без протокола ГИБДД можно и иск получить.

— Ты мне ещё угрожать вздумал, интеллигент несчастный? — Вадим аж поперхнулся от такой наглости, багровея на глазах и сильнее сжимая свой пластиковый планшет. — Да я тебя... Короче, давай проваливай отсюда, пока я тебе колёса саморезами не украсил! Считаю до трёх и звоню ребятам!

— Удачного бетона, Вадим, — сухо перебил Игорь. — И побереги нервы. Гипертония в твоём возрасте — штука опасная. Поверь моему профессиональному опыту, ко мне на работу лучше попадать как можно позже. А ещё лучше — вообще не попадать.

Игорь захлопнул дверь, отсекая звуки улицы, привычным движением повернул ключ в замке зажигания. Двигатель отозвался глухим, слегка дребезжащим урчанием. Аккуратно сдав назад, он объехал опешившего прораба, пока тот яростно кричал ему вслед, размахивая рабочим планшетом и хватаясь за телефон.

Бытовой конфликт оставил дрянной, неприятный осадок. Игорь крутанул ручку радио, заполняя салон старым гитарным роком, и выехал на забитый машинами проспект. Город продолжал жить своей агрессивной, суетливой жизнью, где каждый куда-то спешил и пытался урвать свой кусок серого пространства.

Глава 17. Скрытые слои.

К утру вторника Алина успела пожалеть о своей дотошности. Вместо того чтобы быстро перерисовать перегородку по стандартным лекалам и сдать проект, она снова сидела в душном цокольном этаже Тверского суда. Перед ней на длинной деревянной столешнице лежало массивное, пахнущее архивным клеем уголовное дело «Авиа-Альянса».

Кирилл сидел напротив за письменным столом, методично забивая какие-то данные в компьютер. Изредка он бросал короткие, насторожённые взгляды сквозь очки на Алину, словно проверял, не собирается ли она вырвать страницу из вверенного ему государственного имущества.

— Слушай, Кирилл, — Алина аккуратно, стараясь не порвать обветшавшие края, перевернула плотный, пожелтевший лист ватмана. Схему вентиляционных шахт старого здания на Малой Бронной чертили ещё тушью, и от бумаги остро веяло едкой архивной пылью. — А почему это строительное дело вообще зашили внутрь уголовного процесса? Ну, лопнула контора, отобрали у них этот чёртов офис за долги — обычная же тема. Но техническую экспертизу стен зачем было катать с такой маниакальной точностью? Глянь, тут буквально каждый шурф и каждый стык арматуры расписан.

Кирилл нехотя оторвался от мерцающего монитора. Он с силой потёр затёкшую, хрустевшую шею и на секунду замялся, словно взвешивая, стоит ли вообще в это лезть.

— Та-там... там очень мутная история была, — неохотно выдавил он, глядя куда-то мимо неё. — Год, наверное, двухтысячный или около того. Ру-руководство этой конторы не просто под банкротство пошло. Они, когда поняли, что тонут, начали судорожно прятать концы и выводить активы. Пе-переписывали площади на каких-то левых бомжей, на ходу ломали стены, перестраивали подвалы, монтировали скрытые тайники под наличку и ювелирку. С-следствие тогда из кожи вон лезло, искало чёрную кассу холдинга. Поэтому эксперты из судебно-технического и проверяли буквально каждый кубический сантиметр старой к-кладки. Пытались обнаружить скрытые пустоты.

— И как? Нашли? — Алина с любопытством вскинула подбородок, отложив в сторону карандаш.

— Ча-частично, — Кирилл пожал худыми плечами, и его заикание почти сошло на нет, стоило разговору соскользнуть на привычную архивную тему. — Мелочёвку какую-то из стен выковыряли, но главный сейф в их головном офисе так и остался мифом. То ли его там вообще никогда не было, то ли зашили так, что до сих пор стоит. А сам хозяин конторы... он ведь погиб тогда же. Частный борт упал где-то под Москвой, вспыхнул как спичка. Все концы в воду. Дело в итоге тупо закрыли за смертью основных фигурантов. А макулатура их вот... у меня в подвале гниёт.

Алина снова уткнулась в чертёж девяносто восьмого года. Пальцы в резиновых перчатках плавно скользили по синьке. И вдруг её взгляд зацепился за странную деталь на схеме подвальных помещений их объекта на Малой Бронной. Там, где по современным планам БТИ значился глухой торец несущей стены, на старом архивном плане стояла едва заметная буквенная маркировка: «Объект В-1. Спец-отвод». И пунктирная линия, уходящая вглубь соседнего фундамента.

Чиновник-пенсионер, её капризный заказчик, всё-таки был прав. Эта стена не была простой межкомнатной перегородкой в полкирпича. Под ней скрывалось что-то ещё, заложенное больше двадцати лет назад людьми, которых давно не было в живых. Алина достала телефон и сделала чёткий снимок схемы.

Глава 18. Маршрут выходного дня.

Олег проснулся в одиннадцать утра от резкого звука работающего блендера. Его голова после ночной смены была тяжёлой, словно налитой свинцом. Сел на диване в своей однокомнатной квартире в Кузьминках, пытаясь сообразить, какой сегодня день недели. Одеяло сползло на пол, а на кухонном столе вовсю хозяйничала Светлана — гражданская жена, с которой они последние полгода упрямо пытались строить совместный быт на обломках взаимных претензий.

— Проснулся наконец-то? — Светлана, едва не расколов пластиковую чашу, вырубил блендер и резко повернулась к нему. Жижа внутри стакана ещё лениво оседала, а она стояла, намертво скрестив руки на груди и сверля его злым взглядом. — Лёлик, ты на циферблат вообще смотрел? Паша звонил раза три, не меньше. Люська ему с потрохами тебя сдала — доложила, что ты ночью опять погнал бомбить как ни в чём не бывало. Вы что, издеваетесь надо мной всей своей чокнутой семейкой? У вас это коллективное?

Олег промолчал. Он молча потянулся к стулу за мятыми джинсами, чувствуя, как в груди тяжёлой, горячей волной закипает привычное, тупое раздражение.

— Света, блин, не начинай с самого утра, а? Голова и так квадратная, — сипло огрызнусь он, просовывая ноги в штанины. — Я работал, а не прохлаждался. Деньги, между прочим, в этот дом несу, а не в автоматы спускаю.

— Какая, к чёрту, работа, Олег?! — супруга сорвалась на крик, её шея и щёки моментально пошли неровными, пунцовыми пятнами. — Ты двое суток назад чуть копыта за рулём не откинул, забыл?! Тебе в клинике врач что русским языком сказал? Отпуск! Покой! А ты упрямый, как баран, дождался темноты — и опять по ночникам шустрить поехал. Тебе на себя плевать, ладно, мы привыкли. Так ты хоть о семье своей подумай, эгоист несчастный! Если ты завтра где-нибудь на проспекте разобьёшься в щепки или с инсультом под капельницу загремишь, мне твои долги за аренду этого корейского корыта из своего кармана выплачивать?! Задолбало всё, понимаешь ты?! Сил моих больше нет! Живёшь как камикадзе хренов, никого вокруг себя не слышишь и знать не хочешь!

Она со злостью швырнула кухонное полотенце на раковину и ушла в коридор, продолжая оттуда что-то яростно кричать про эгоизм, угробленное здоровье и испорченную молодость. Весь этот бытовой негатив казался Олегу сплошным непрекращающимся шумом, преследовавшим его повсюду. Город буквально выталкивал его, не давая ни секунды тишины.

— Да пошло оно всё! — внезапно рывкнул он, швыряя кроссовок в стену.

Светлана в коридоре замолчала от неожиданности. Олег резко встал, подошёл к вешалке, сорвал куртку и вытащил из кармана листок с адресом дачи дяди Лёвы, который ему вчера в машине дала Люся. Хватит. С него достаточно этого вечного прессинга, ночных смен, капризных пассажиров и криков на кухне.

Он быстро забросил в спортивную сумку пару сменных футболок, старые спортивные штаны и зубную щётку. Света стояла в проёме двери, испуганно и злобно глядя на его поспешные сборы.

— Ты куда это собрался? — процедила она.

— На дачу к дяде Лёве, — отрезал Олег, застёгивая куртку. — Как доктор прописал. Буду кормить уток, ловить рыбу и молчать. Недельку без меня поживёшь — может, тишину ценить научишься.

— Олег, да постой ты, господи! — Светлана всплеснула руками и сделала шаг к нему, её сердитый тон мгновенно сменился растерянностью. — Зачем ты сразу воюешь со мной?

— Да потому что вы всё за меня решили! — Олег со злостью дёрнул молнию куртки.

— Пашка решает, Люська пилит, доктор уток прописывает! А работать за меня кто будет? Машину дядя Лёва оплатит?

— Да плевать сейчас на машину, заработаем мы эти деньги! — Она перехватила его за запястье, заглядывая в глаза. — Здоровье твоё дороже. Поезжай. Глушь, тишина, выпишься наконец-то. Я же только хочу, чтобы ты живым остался, дурак ты упрямый.

— Ладно, — уже тише буркнул он, закидывая сумку на плечо. — Прости. Поеду я. Действительно надо.

Он подхватил вещи, вышел на лестничную клетку и с силой захлопнул за собой дверь, обрывая очередной поток обвинений. Спускаясь в лифте, Олег почувствовал странное, почти забытое облегчение. Он достал телефон, заблокировал рабочее приложение таксопарка и вбил в навигатор Киевское шоссе, Наро-Фоминский район. Через семь минут машина эконом-такси ждала его во дворе. Маршрут из душной Москвы в сторону соснового леса и старого одесского антикварщика был наконец-то открыт.

Глава 19. Линия отрыва.

Алина аккуратно прикрыла массивную, разбухшую папку строительно-технической экспертизы «Авиа-Альянса». Сухой, потрескавшийся картон обложки глухо хлопнул, подняв в воздух едва заметное серое облако архивной пыли. Кирилл тут же вскинул голову, среагировав на этот звук.

— Вы... вы всё? Уже за-закончили? — тихо спросил он, нервным жестом поправляя съехавшие очки. — Там на последних страницах ещё акты освидетельствования скрытых работ были, не смотрели?

— Да, спасибо, Кирилл, я всё нужное зафиксировала. Вы мне очень помогли, — Алина стянула с рук тонкие резиновые перчатки, неприятно прилипшие к коже, и бросила их в урну у края стола. Она бережно перепроверила и убрала смартфон с оцифрованными фотографиями чертежей во внутренний карман пуховика. — Дальше я сама. С этим материалом теперь можно работать.

— На-на здоровье. Вы смотрите, если в проект это потащите, аккуратнее с датами, — Кирилл натянуто, одними губами улыбнулся и потянул тяжёлое дело к себе. — Там в девяносто восьмом такая путаница с номерами участков была, чёрт ногу ломает. Если что-то ещё по этому ква-кварталу понадобится, заходите, не стесняйтесь. Эти покойники никуда отсюда не денутся.

— Надеюсь, до новых раскопок не дойдёт, — Алина устало улыбнулась в ответ, застёгивая молнию на куртке. — А то у меня от ваших тайн голова идёт кругом.

— Э-это вы ещё дела по расселению тридцатых годов не видели, — Кирилл принялся сноровисто завязывать грубую архивную бечёвку на папке, затягивая тугой узел. — Вот там детектив, под завязку. Ладно, удачи вам с этой стеной. Смотрите, чтоб не рухнула.

Алина тепло попрощалась с тихим архивариусом и вышла из цокольного этажа. Подъём по массивной гранитной лестнице Тверского суда показался ей выходом на поверхность после затяжного погружения.

Наверху по-прежнему царила суэта: мимо неё пронеслись двое адвокатов в распахнутых пальто, громко спорящих на ходу о деталях апелляции, у турникетов на входе толпились хмурые посетители. На скамье сидела заплаканная женщина в дешёвой куртке, уткнувшись носом в плечо угрюмого, коротко стриженного парня в спортивном костюме. Мимо них с грохотом прокатилась тележка уборщицы, от неё резко пахло копеечной хлоркой и мокрой гнилой ветошью. Алина едва не столкнулась с судебным приставом: дородная баба на ходу пыталась удерживать под мышкой огромную, разваливающуюся стопку картонных папок с уголовными делами. Весь этот человеческий конвейер жил своей, тяжёлой жизнью, от которой хотелось как можно быстрее сбежать на воздух.

Она дошла до парковки, села в свою малолитражку и завела двигатель. Дворники с сухим шуршанием смахнули со стекла налипшую ледяную крупу. Алина включила подогрев сидений, выехала на Садовое кольцо и на первом же светофоре достала телефон. На экране высветился пропущенный звонок от Лилии Петровны — капризной супруги ресторатора, желающей наверняка обсудить очередной оттенок плитуса.

Алина решительно перевела смартфон в режим «Не беспокоить» и бросила его на пассажирское кресло. Ей до чёртиков надоел этот бесконечный столичный бег по кругу с вечными согласованиями, чужими амбициями и капризами. Она включила левый поворотник, перестраиваясь в сторону Ярославского шоссе. У неё в пригороде, неподалёку от Мытищ, жила старая институтская подруга Инна, давно приглашающая в гости — посидеть у камина.

Глава 20. Удельный вес текста.

После того как за Алиной закрылась тяжёлая дверь архива, Кирилл ещё долго стоял у стола, разглядывая раскрытую папку «Авиа-Альянса». По цокольному этажу Тверского суда разносился мерный гул вентиляции. Кирилл взял дело за пожелтевшие края.

Люди думали, что он выбрал работу под землёй из-за своего дефекта речи. На самом деле парень прятался здесь от слишком шумного и «безвкусного» внешнего мира. С детства он обладал редкой формой синестезии — его мозг переводил текстовые знаки в осязательные и вкусовые ощущения. Современные глянцевые журналы на ощупь казались ему холодным жирным салом, а текст на экранах смартфонов вообще не имел веса, напоминая безвкусный диетический воздух. Но старые судебные дела, сшитые суровой бечёвкой, были настоящими. Он мог закрыть очки ладонью и по одному лишь запаху и плотности бумаги определить год вынесения приговора. Страницы старых дел отдавали лёгкой ментоловой горечью, а довоенные протоколы весили чуть больше, словно впитав в себя свинец ушедшей эпохи.

Но в уголовном деле № 44-Б была аномалия, обнаруженная Кириллом ещё год назад во время плановой инвентаризации.

Он подошёл к электронным весам, использовавшимся в канцелярии для взвешивания бандеролей. Архивариус аккуратно опустил на металлическую платформу три листа строительно-технической экспертизы здания на Малой Бронной — те самые, что минуту назад фотографировала Алина. Экран мигнул, выдав цифру: *14,2 грамма*.

Кирилл достал из ящика стола точно такие же пустые листы архивного ватмана Гознака 1998 года выпуска, бережно хранимые для реставрации. Положил на весы. Экран показал: *13,6 грамма*.

Разница была незначительная. Для обычного человека — статистическая погрешность. Для Кирилла — катастрофическое нарушение законов физики. На вид бумага из чертежей «Авиа-Альянса» казалась самой обыкновенной, но в руках ощущалась слишком тяжёлой. Словно в целлюлозную массу при отливке подмешали какой-то порошок. Кирилл, повинаясь какому-то дикому интуитивному импульсу, мазнул кончиком языка по углу страницы с текстом экспертизы. Во рту тут же разлилась едкая металлическая горечь с привкусом йода и калёной меди.

Кирилл сдёрнул очки, по привычке вытер стёкла подолом рубахи и опять уставился на схему «Спец-отвода В-1», в которую вцепилась Алина. Тонкий пунктир, уходящий глубоко под фундамент, нанесли явно какими-то левыми чернилами. Архивариус чуть повернул настольную лампу: при боковом свете стало видно, что линия едва заметно поблёскивает. Будто в тушь подмешали микроскопическую слюдяную крошку.

Он вспомнил, как только что Алина смотрела на эти листы — дико, со страхом, словно загнанный зверёк. Она-то надеялась выкопать обычный самострой или левую перепланировку. Но он за два года среди этих полок научился чутать подвох.

Кирилл бережно закрыл папку. Узлы архивной бечёвки привычно легли на свои места. Завязав последний бант, он почувствовал, как к горлу снова подкатывает сухой, удушливый спазм. Заикание возвращалось к нему лишь тогда, когда внутренний синестетический шум становился слишком громким.

— С-спец... от-вод... — тихо, по слогам выговорил парень в пустой зал, пробуя буквы на вкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.